

Использованная литература

1. Яковенко И.Г. Мышление революцией // *Общественные науки и современность*. – 2017 – № 3 – С. 87–96.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1974.
3. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. – Л., 1956.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. 3-е изд., доп. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 639 с.
5. Сталин И.В. Сочинения. Т. 1–13. – М., 1946-1951
6. Божанов В.А. Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы. – Мн.: Тесей, 2004. – 272 с.

КОММУНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЙ

Грищенко И. А.

г. Гомель, ГГТУ

Все социальные процессы и явления имеют духовное измерение. Духовный смысл в русской революции пытались обнаружить и проанализировать авторы «Вех» и «Из глубины», творческая интеллигенция, как русская, так и западноевропейская, философы и богословы XX века. В процессе этого осмысления неизбежно, для взращенной в христианской культурной традиции интеллигенции, вставал вопрос о том, насколько близки христианские идеалы и идеи, проповедуемые коммунистами.

Неоднократно делались попытки провести параллель между коммунизмом и христианством: равенство перед Богом – социальное равенство; воздаяние за грехи – социальная справедливость; человек как образ и подобие Божие – гуманистические идеалы, вера в человека; Царство Божие – мечта об идеальном безконфликтном обществе. В этом отношении показательна позиция В. Вейтлинга, который взял за образец Ламенне, Сен-Симона, Фурье и в «Гарантии гармонии и свободы» попытался оправдать коммунизм ссылками на Евангелие: «Иисус учит отмене собственности. Иисус учит отмене денег. Иисус учит отмене наказаний. Основа учения Иисуса Христа – общность труда и пользования благами. Иисус ходит по земле с грешницами, и они помогают ему. Иисус отвергает семью.

Иисус проповедует войну. Иисус не имеет никакого уважения к собственности» [17, с. 505-506]. С этим можно было бы согласиться, если проигнорировать, что с точки зрения христианства Иисус Христос – Богочеловек. В. Вейтлинг видит в Иисусе только человека, превращая Его в первого коммуниста, мессию бедных, при этом уже себя самого В. Вейтлинг ощущает новым мессией, которому предначертано осуществить дело, не доведенное Христом до благополучного конца. К. Маркс обрушился с сарказмом на Вейтлинга, а позже на Бауэра и Гесса, по причине оспаривания этой мессианской роли, на которую сам претендовал.

Среди тех, кто пытался соединить христианский идеал с коммунистическим – были и радикально настроенные пасторы. Например, Остеррайхер в проповеди заявил: «Сто лет назад слова «религия – опиум для народа» не были пустой болтовней. Мы, члены Тела Христова, смиренно покаявшись, должны признать, что находимся в глубоком долгу перед каждым коммунистом» [9, с. 4]. Значительная часть левого духовенства в Русской Православной Церкви в начале XX века симпатизировала социалистическим партиям, а некоторые даже в них состояли. Эти настроения хорошо выразил гомельский протоиерей Федор Жудро – историк, общественный деятель, известный правозащитник. Он был искренен в своей проповеди на Покров в 1919 г.: «Вспомним, как Христос относился к неравномерному распределению благ земных. «Горе вам, богатые, горе вам, пресыщенные» Братие, нынешняя власть наша борется всеми силами с неравномерным распределением земных благ, так называемым капиталистическим строем, за коммунизм, за уничтожение собственности и обобщение имений. Не верьте же тем людям, которые говорят, что коммунизм – учение противохристианское» [11, л. 5].

Среди желающих присоединиться к славе Христа были и откровенные циники. С. Нечаев, чтобы снискать симпатии солдат, охранявших его в Алексеевском равелине, много говорил об Иисусе, как пострадавшем за угнетенных и выходило, что Нечаев был не ниже Христа [28, с. 289]. Недруги как коммунизма, так и христианства обвиняли христианство в том, что оно спровоцировало коммунистические идеи, являющиеся радикальным воплощением христианского идеала. Результатом попыток русских революционеров (Бакунин, Белинский, Герцен) христианизировать социальные утопии

стало выхолащивание самой сути христианства, поскольку без Бога это не более чем утилитарная доктрина. Революционный пафос немедленного воплощения царства справедливости привел не просто к отрицанию христианского идеала, а к утверждению откровенного демонизма. Показательно, что один из студенческих кружков в России второй половины XIX в. назывался «Ад» [28, с. 106].

Социальные утопии вызревали в недрах эпохи Просвещения и XIX в., хотя элементы этих идей можно обнаружить в ересь средневековья, учениях эпохи Реформации. Успехи естествознания дали повод европейцу интерпретировать мироздание в понятиях механики. Открытия в области биологии позволили идею прогресса преподнести как цепь непрерывного развития, а саму природу как саморазвивающийся организм. Если между законами природы и общества существует некая взаимосвязь, появляется соблазн построить идеальное общество, опираясь только на силы человека, его знание социальных законов развития. Такая попытка была предпринята в рамках социалистического и коммунистического учений. Учения эти не были стройны и однородны, но среди них не было более влиятельного, чем марксизм, в силу того, что он претендовал на научность.

К. Маркс не был оригинален в своей социальной доктрине. Он причудливо сочетал материализм, диалектику, учение о прогрессе и эволюции, а мысль о том, что законы природы могут быть тождественны законам развития общества витала в воздухе давно (Гельвеций, Кондорсе, Вольтер, Гоббс, Гумбольдт). Перспектива вывести социальные законы из области стихийной в область прогнозируемую виделась весьма заманчивой. Духовная компонента в человеке и социуме представлялась производной экономических процессов. Если человек – продукт длительной эволюции материи, которая вечна и способна к саморазвитию, то человек намертво привязывается к экономическому базису, становясь рабом потребления. Если действия человека, его поведение, сознание зависят от социальной среды, экономики, то, в таком случае, снимается всякая нравственная ответственность с человека. Марксизм обходит стороной тот факт, что человек свое право называться личностью отстаивает порой в самых неблагоприятных социально-экономических и политических условиях. Совесть классово не детерминирована.

Марксизм настаивает, что духовный, культурный уровень развития соответствует уровню развития социально-экономических и политических отношений. История говорит об обратном: образ преп. Сергия Радонежского воссиял на Руси в мрачный период ее истории; «золотой век» русской культуры приходится на XIX в., который был весьма противоречив в плане социально-экономическом и политическом. Напротив, упадок духовности нередко наблюдается в условиях материального благополучия, которое порождает душевную сытость. Исторические, социальные прогнозы марксизма противоречат теореме Эшби, отца кибернетики: промоделировать какую-либо сложную саморазвивающуюся систему может только другая система, которая должна быть на порядок сложнее первой. А поскольку таковой в рамках человечества быть не может, то ясно, что создать теорию социального развития, с предписанием как должно развиваться общество, невозможно [37, с. 14].

По сути, социализм и коммунизм изначально были разными доктринами. Благодаря В.И. Ленину эти понятия слились воедино: социализм – ранний этап развития коммунистической формации. В XIX в. между социализмом и коммунизмом видели отличия. Л. Штейн, который по заданию прусского правительства в 1840 г. изучал в Париже социалистические и коммунистические теории, указывал, что они глубоко различаются между собой по способу, которым они намеривались преобразить общество. Коммунизм, выражавший чаяния и требования революционного пролетариата, имеет чисто негативный характер и ставит перед собой цель разрушить буржуазное общество. Социализм позитивен, он зовет не к разрушению, а к преобразованию буржуазного общества через разумную организацию труда [17, с. 492].

Первоначально К. Маркс не был сторонником коммунистических идей. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» он отмечал преимущества социалистических идей по сравнению с уравнилельными доктринами Бабефа, Прудона, Дезами. Социализм Ш. Фурье, А. Сен-Симона, которым восхищался отец К. Маркса, стремился через развитие демократии добиться гармонии личных интересов и общественных. Кроме того, социалисты-утописты были христианами и считали своим долгом отделить в сознании современников свободу от революции, оставив революции все ее безумства. Набожный Фурье говорил языком Евангелия, полагая, что че-

ловеку совесть не позволит дать камень сыну, когда тот попросит о хлебе, он верил в порядочность человека как создания Божьего [37, с. 163].

В середине 1840-х годов К. Маркс пережил идейное брожение и окончательно порвал с социалистическими идеалами демократии, делая ставку на коммунистическую революцию. В 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» озвучена главная «истина» коммунизма: насилие – повивальная бабка истории. Коммунизм определяется не как «состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [19, с. 389]. Так что ни о каком «царствии небесном на земле» нет и речи. Все сводилось к разрушению ради самого разрушения. К. Маркс писал вполне определенно: «Коммунизм есть позиция отрицание отрицания. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития» [36, с. 127]. Эти положения так расходятся с поздним Марксом и уж тем более его последователями, что есть все основания подозревать отсутствие не только какой бы то ни было научности, но и стройной теории.

Нагорная проповедь Христа не претендует на «научность», было бы нелепо сводить духовные проблемы к естествознанию. Но в отличие от философов разного толка и ранга учению Иисуса Христа присущи стройность, простота и глубина.

С точки зрения марксизма экономические, социальные кризисы приводят к смене формаций, являясь залогом социального и духовного прогресса. Европейская социология XX в. убедительно доказала, что кризисы первоначально вызревают в сознании, «в головах», в сфере духовной и потом находят выражение в практической деятельности человека (М. Вебер, П. Сорокин).

Духовные коллизии теоретиков социализма и коммунизма имели широкий спектр. Одних идейные брожения приводили даже не к атеизму, а к богоборчеству, других – к социальным мистификациям. Некоторые от экзальтированной религиозности перешли к атеизму (М. Бакунин, В. Белинский, А. Герцен). Социальные утопии, в том виде, в котором они сформировались в XIX-XX вв., своим появлением обязаны были не христианству, а духовному наследию Про-

свещения, причудливо смешавшему романтические грезы, евангельские идеалы, морализаторство с оккультизмом и мистицизмом. К. Маркс и Ф. Энгельс зачитывались Шлейермахером, Штраусом, Гейне, Гегелем, Фейербахом, Бауэром, Гессом. Левые гегельянцы усвоили важную для себя мысль: Христос составляет лишь одну сторону откровения, откуда следует, что нельзя приписывать христианской религии вечного и абсолютного значения [17, с. 220].

В России, переболев Шеллингом, Кантом, Фихте, Гегелем, «русские мальчики» продолжали восторженно относиться к евангельскому идеалу, но чаще думали о рациональном его воплощении. А. Герцен писал: «Возьмем чистое основание христианства – как оно изящно и высоко, но посмотрим на последователей его – мистицизм темный и мрачный» [13, с. 325]. В. Белинский не скрывал своего восторга: «Есть книга, в которой сказано все, все решено, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни – Евангелие» [13, с. 306]. М. Бакунин, далекий от церковности, весь в религиозной романтике: «Мы накануне всемирного исторического переворота... Он будет носить не политический, а принципиально религиозный характер. Речь идет о новой религии, о религии демократии» Из богоборчества и богоискательства революционеров, как в Западной Европе, так и в России, логически вытекало обожествление самого человека, задача которого *своими силами* поднять землю до небес. Правда, К. Маркс предлагал иной вектор движения – спустить небеса на землю. Но суть не меняется: бог революционера живет в человеке и он «возвышается с возвышением человека» [13, с. 228]. Только что это за бог, которому надо еще возвышаться?

Показательно то, что многие революционеры прошли через метафизический бунт. Таким образом, проблема социальной революции действительно в корне не социальная и не политическая проблема, а религиозная. К. Маркс начинал свою революционную деятельность со штурма Неба и штурм этот был вполне осознанный. Отца-либерала духовные метания сына очень волновали, и он начал сомневаться в его душевных качествах, спрашивая себя с беспокойством, не одержим ли он злым демоном. Генрих Маркс писал сыну: «Соответствует ли твое сердце твоему уму, твоим дарованиям?.. Так как в этом сердце явно царит демон, ниспосылаемый не всем людям, то какого он происхождения: небесного или же он подобен демону Фауста? ...В состоянии ли ты дать счастье своим близким?»

[34, с. 621]. Свое первое впечатление от К. Маркса Ф. Энгельс изложил в шуточной поэме, только восторги – не шуточные:

Кто мчится вслед как ураган степной?
То Трира черный сын с неистовой душой.
Он не идет, - бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый! [35, с. 304]

Разочаровавшись в христианском идеале, К. Маркс не лишился мистического ощущения мира. В студенческие годы он писал:

Гордо самому себе отшщу я,
Существу, что правит выше... [34, с. 473]
Не умрет оно (его собственное величие) в паренье,
Трон оно воздвигнет для хулы.
Станет торжеством паденье,
И позор достоин похвалы.
Словно бог, по мирозданию
Средь развалин шествовал бы я,
Слово каждое – деянье,
Я творец земного бытия! [34, с. 496]

Даже если эти строки, написанные Марксом-студентом, списать на молодость, то настораживает, что уже зрелый К. Маркс любил цитировать слова Мефистофеля из «Фауста»: «Все сущее достойно смерти». Когда при личной встрече русский социалист А.М. Воден напомнил о ранних стихотворениях К. Маркса Ф. Энгельс крайне смутился и быстро перевел разговор на другую тему [8, с. 88]. К. Маркс был сыном своей эпохи. В XIX в. демонизм вошел в моду благодаря романтизму. Романтизм – не просто мода, но болезненная тенденция в духовно разлагавшемся обществе. Борьба сатаны со смертью в «Потерянном рае» - любимый сюжет романтиков XIX в. Романтический герой совершает глубинное религиозное смешение добра и зла. Люцифер приобретает черты печального, очаровательного юноши (Виньи). «Красотой блистая неземной» (Лермонтов), мильтоновский сатана нравственно становится выше Бога. Имя дьявола пишется с большой буквы [15, с. 154-155]. Чтобы убить Бога, человеку нужно самому стать богом. Через этот искус прошли

практически все теоретики социализма и коммунизма. Но если романтики-бунтари от литературы (Байрон, Шелли, Гейне, Шиллер) были одиночками, индивидуалистами, то идейные лидеры коммунизма свою жажду разрушения попытались сделать нормой жизни социума. Хула на Бога стала нормой для коммунистов, при этом тон этой хулы выдает людей, которые в существовании Бога как будто не сомневались. Зять К. Маркса, Э. Эвелинг, с одобрения тестя выступал с лекциями на тему «Низость Бога» [9, с. 28]. П.-Ж. Прудон в «Философии нищеты» взывает к сатане, чье имя пишет с большой буквы. Маркс, критикуя Прудона в «Нищете философии», оккультных сторон не касается, только социально-экономических. М. Бакунин сатанинский бунт называл благородным, а грехопадение Адама и Евы – первым актом человеческой свободы [4, с. 89].

В.И. Ленин считал, что «всякий боженька есть труположество» и «всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость» [24, с. 226-227]. В своем неприятии религии глава большевиков был последователен и критиковал любые попытки проводить параллель между христианством и коммунизмом и, тем более, желание соединить два идеала. В ноябре 1913 г. В.И. Ленин писал М. Горькому: «Христианские социалисты – худший вид «социализма». Бог есть, прежде всего, комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека, усыпляющей классовую борьбу» [24, с. 231-232]. А. Луначарский в статье «Социализм и революция» отмечал, что К. Маркс пресекал малейший контакт с Богом и ставил сатану во главе марширующих колонн пролетариата. В.И. Ленина, как убежденного атеиста и материалиста, подобная демонизация марксизма крайне раздражала. Он был нетерпим к любым проявлениям идеализма, и, не скупясь на выражения, всех убежденных марксистов призывал «бога и защищающую его философскую сволочь» «отсылать в помойную яму» [22, с. 153]. К научной полемике подобная манера отстаивания своих идей имеет отдаленное отношение.

Насколько последовательны были идеологи коммунизма в материализме и атеизме? Известно, что Маркс критиковал Фейербаха за его желание идею поставить в зависимость от действительности. К. Маркс высоко ставил идею, она подчиняет себе убеждения человека и приковывает его совесть. Из этих уз, считал он, нельзя вырваться, «не разорвав своего сердца» [30, с. 118]. Всю свою деятельность К. Маркс подчинил именно идее, что совершенно идет в

разрез с материалистическим миропониманием. Если с точки зрения марксизма бытие определяет сознание, то резонен вопрос отца К. Маркса, который негодовал по поводу духовных метаний сына: «Эта разочарованность мне отвратительна, и я меньше всего ее ожидаю от тебя. Да и какие у тебя к тому основания? Разве природа не наделила тебя щедро своими дарами?.. И не завоевал ли ты непонятным образом сердце такой девушки, что тебе завидуют тысячи?» [34, с. 635]. Влияние вполне respectable бытия на сознание многих идеологов коммунизма было таковым, что нарушало все законы марксизма.

Антропологический вывод революционеров о самодостаточности человека, его абсолютной духовной автономности в корне расходится с христианской антропологией. Человек по христианскому учению создан по образу и подобию Божьему. «Это все равно, что сказать, что человек сотворен по природе причастником всякого блага. В нас есть идея всяческой красоты, всякой добродетели и премудрости» [29, с. 109]. Если Бог – источник жизни, то удаление от Него – смерть. Если Бог – Истина, то удаление – ложь. Коммунисты, чтобы обосновать самодостаточность человека, несут откровенную хулу на Бога: «Если Бог – все, то реальный мир и человек – ничто. Если бог – истина, справедливость и жизнь, то человек – ложь, несправедливость и смерть. Если Бог – господин, то человек – раб. Человек разумен, справедлив, свободен, - значит, Бога нет» [4, с. 43-44]. Это напоминает трюизм Ангелиуса Силезиуса: «Если бы не было Бога, то не было бы меня, если бы не было бы меня, не было бы Бога» [39, с. 81]. Христианская антропология видит величие человека в приобщении к духовному бытию. Человек связан со всем миром, тварь с надеждой ожидает будущей славы (Рим. 8, 19-22). По словам преп. Максима Исповедника человек находится в средоточии бытия, он способен соединить в себе мир сверхчувственный и чувственный. Сам акт творения «из ничего» - гимн свободе, а вовсе не порабощение Богом мира [27, с. 84]. Ум же материалиста делает то, что давно описал свт. Григорий Нисский: «Вместо того, чтобы отражать Бога, как перевернутое зеркало (он) принимает в себя образ бесформенной материи, и страсти потрясают первоначальное строение человеческого существа» [27, с. 101]. Научность, на которую претендуют коммунисты, - ширма, которой они стараются прикрыть Истину. Для материалиста сами научные зна-

ния становятся богом, но «как глазу, чтобы увидеть себя, нужно зеркало, так и уму для познания самого себя необходимо обратиться к Богу» [45, с. 37].

С позиций материализма трудно обосновать такой феномен, как свобода. У материалистов нет основания поднимать человека над природой, - его бы надо было бы вписать в природу, как это делали язычники. К. Маркс говорил о человеке, как общественном животном [33, с. 338]. Для Ф. Энгельса суть различия между человеком и животным только в «большей или меньшей степени животности или человечности» [32, с. 102]. Природа человечности у марксистов не объясняется. Если ее выводить из животности, то не понятно сущностное их различие. М. Бакунин довел эволюционизм до логического конца, когда заявил, что «через несколько сот веков из высшей разновидности человека (демократы от революции знают и низшую разновидность человека) может произойти вид существ, превосходящих человека, и которые будут относиться к нему так же, как он сам сейчас относится к горилле» [4, с. 60]. Если человек продолжает эволюционировать, и процесс этот бесконечен, то это дурная бесконечность, да и как существо не до конца развитое может надеяться выразить истину о самом себе? Ивана Карамазова удивляло как «такая мысль – мысль о необходимости Бога – могла залезть в голову такому дикому и злому животному, каков человек, до того она свята, до того трогательна, до того премудра...» И тем более странно звучит из уст атеиста К. Маркса лирическая сентенция: «Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить» [30, с. 64].

Коммунисты, пытаясь объяснить, откуда же в человеке, вышедшем из животного мира, такие возвышенные идеи, просто констатируют: «Чтобы одалживать идеи Богу, человек должен был их иметь! Где он нашел их? Конечно в самом себе. Но все, что он имеет, исходит от его животности: его дух не что иное, как толкование его животной природы... Идеи справедливости, добра... должны иметь корни в самой животности человека» [4, 84]. В. Соловьев по этому поводу иронизировал: «Человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга». К. Маркс не любил сводить человека к биологии, ему больше импонировал социальный фактор. Частичный идеализм Фейербаха Маркса вполне устраивал: «Любовь бога к человеку... есть любовь человека к самому себе». Тогда «то, что вчера было религией, се-

годня перестает быть ею; то, что сегодня кажется атеизмом, завтра станет религией» [19, с. 172-173]. К. Маркс не устраняет теологию вообще, но создает новую, - антихристианскую и безбожную. Поэтому уничтожение христианства коммунисты рассматривали как первейшую задачу. К. Маркса раздражало щеголянье вывеской атеизма, он предпочитал вовсе забыть об атеизме, как вере, что Бога нет, он пытался веру в отсутствие Бога перевести в область знания [38, с. 67]. На той же позиции стоял В.И. Ленин, для которого борьба с религией не была главной задачей, поскольку утверждение атеистических воззрений он увязывал с утверждением социализма [21, с. 146]. Впрочем, атеизм всегда сохранял элементы веры, только веры наизнанку, принимая «воинствующие, догматические, наукообразные формы» [6, с. 50].

Наибольшей заповедью «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всем разумением твоим» Иисус Христос обосновывает вторую равнозначную ей – «возлюби ближнего твоего как самого себя». (Мф. 22, 37-39) Гуманистический пафос коммунизма безоснователен, так как абстрактен. Ради любви ко всему человечеству можно уничтожить миллионы ближних, потому что трудно простить человеку его несовершенство, если игнорировать в нем образ и подобие Божие и болезнь грехом, которая требует врачевания. Христос говорит о любви к человеку и ненависти к врагу Бога и человека - к дьяволу и греху. Коммунисты же говорят об абстрактной любви к человечеству, призывая к реальному насилию по отношению к ближнему. Французская революция продемонстрировала, как с Людовиком XVI, казненным ради торжества добродетели, были убиты все прежние нравственные принципы. «От гуманитарных идиллий XVIII в. к кровавым эшафотам пролегает прямой путь, и, как всем известно, сегодняшние палачи – это гуманисты» [15, с. 18].

Размах революционного насилия в 1917-1920 гг. в России привел в ужас М. Горького. В.И. Ленина и его соратников М. Горький обвинял в утилитаризме: для них «рабочий класс то же, что для металлиста руда» [10, с. 151]. Писатель недоумевал, почему революционер – этот «взбунтовавшийся на время раб карающего, мстительного бога» – не чувствует «красоты бога милосердия и прощения». В эти «кошмарные дни совесть издохла», - жалуется писатель [10, с. 112, 158]. А. Луначарский, которого тоже испугал

размах ненависти в годы гражданской войны, советовал «убивать белогвардейца как волка, при этом нет необходимости его ненавидеть». «Некоторым кажется, – продолжал он, – чрезвычайно хорошей бравадой рассказывать о бесценности человеческой жизни, о том, как легко расстреливать осужденных; они думают, что это и значит быть молодцом коммунистом. Это очень худо. Это не марксистский подход, а солдафонский» [1, с. 114]. Понятия тут перевернуты: «бесценность человеческой жизни» не в смысле святости и бесконечно высокой ее цены, а в отсутствии какой бы то ни было ценности жизни. Загадка, как убивать человека, не испытывая к нему ненависти, это либо животные отношения, либо нравственная неадекватность. Всякое «праведное воркование» о святости человеческой жизни у В.И. Ленина вызывало только презрение [1, с. 86]. Гуманист В.И. Ленин ненависть считал «самым благородным, самым великим чувством лучших людей из угнетенной и эксплуатируемой массы» [23, с. 89]. Если даже допустить, что насилие – временная мера, то трудно представить как молодежь, чьи сердца «немножко обросли шерстью», будут способны прислушиваться, по словам А Луначарского, «к чудесным и благородным мелодиям, родственным тому будущему, к которому мы стремимся». Из диктатуры пролетариата логически вырисовывалось такое будущее, что в 1930 г. А. Луначарский заявил: «В наше время опаснее перепростить, чем недопростить» [1, с. 115]. По этому принципу будет формироваться ГУЛАГ.

Защитники «чистого марксизма» недоумевают: «Если Маркс ответственен за репрессии Сталина, то почему вы не считаете Иисуса Христа ответственным за мракобесие, которое именем Христа творила инквизиция» [37, с. 27]. В Евангелии мы не найдем призыва к насилию, а инквизиция – проявление духовной слабости человека. Часто критики христианства ссылаются на строки Евангелия от Матфея: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). Но меч этот направлен против дьявола, который, через пристрастие человека к временным земным ценностям, уводит его от Бога. Христос призывает не противиться злему (Мф. 5, 39). Марксизм насилие объявляет повивальной бабкой истории. Христос призывает любить врагов и благословлять проклинающих (Мф 5, 44). Коммунисты, революционеры не только к идейным врагам, к своим друзьям не всегда были

благосклонны. История | Интернационала – история грязных склок и борьбы за лидерство. Христос предупреждает: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Маркс же был полон презрения к своим товарищам, если хоть в чем-то они с ним расходились: Фрейлиграт – «свинья», Лассаль – «еврейский негр», Либкнехт – «вол», Бакунин – «теоретический нуль». Любимое изречение Маркса – цитата из Г. Верта: «Нет ничего прекрасней на свете, чем кусать своих друзей» [9, с. 58]. Такой же идейной непримиримостью отличался В.И. Ленин. Старая ленинская гвардия, в конечном итоге, «съела» саму себя в распрях, «ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7, 2).

Коммунисты часто апеллируют к понятию «справедливость», собственно ради нее они и ведут борьбу. Под справедливостью понимается возможность отомстить за свои обиды и равенство, которое почему-то автоматически должно вселить в сердца людей любовь друг к другу, устранить зависть. М. Бакунин писал: «Социализм – это справедливость основывающаяся единственно на сознании людей, на справедливости, которую вы найдете у каждого человека (?) и даже в сознании детей (?) и суть которой передается одним словом: равенство» [4, с. 39]. Христос собственно о справедливости даже предлагает забыть, что и отличает Ветхий Завет от Нового. Революционеры – даже не ветхозаветники, там «око за око», революционеры предлагают измерить все обиды, собрать все «слезинки ребенка» и отомстить сторицей, уничтожив старый мир «до основания», невинные жертвы под развалинами их не беспокоят. М. А. Алданов в романе «Истоки» иронизировал по этому поводу: Марксистское учение «должно было десятилетиями насаждать и накапливать, проповедовать ненависть в мире – с тем, чтобы эта ненависть (хотя бы и вполне справедливая) затем внезапно исчезла из душ людей после торжества социальной революции» [2, с. 391].

Новозаветный закон не мог быть результатом работы «коллективного разума» просто потому, что призыв Иисуса Христа отказаться от мести, возлюбить врагов выпадает из логики павшего человека. Первый порыв Алеши Карамазова - расстрелять помещика-самодура, затравившего собаками ребенка. В Новом Завете Господь ставит перед человеком задачу, от выполнения которой и будет зависеть счастье человека: очистить не только дела, но и помыслы

(Мф. 5, 22; 5, 28). Христианство зло объясняет греховностью человеческой природы, а источник греха – гордыня и зависть дьявола. Коммунисты причину неразумных отношений между людьми видят во внешних общественных условиях, которые необходимо изменить, после чего человек автоматически станет лучше. Духовная проблема коммунистами ставится в зависимость от социально-экономических и политических условий, они должны завершить социализацию личности, при которой эгоизм человека будет полностью подчинен общественным интересам.

Обращаясь к образу гетевского Гуммануса, К. Маркс пытался изобразить человеческий мир, «который сам создает свои различия и неравенство, которое есть не что иное, как разноцветное преломление равенства». Опираясь на гетевские «Тайны» К. Маркс мыслил идеальное сплочение людей вокруг некоего святого человека. Сплочение это определяется неким внутренним сходством. После продолжительной жизни с Гумманусом в каждом человеке воплотится его дух, и все люди начнут представлять единое целое, не нуждаясь больше в Гумманусе. Очевидно, сам Маркс видел себя в роли такого Гуммануса, впрочем, если люди равны, то по каким критериям определить, кто выполнит роль этого святого человека? Впоследствии был создан миф о мессианской роли пролетариата.

Социальный детерминизм коммунизма противоречив по нескольким пунктам. 1. Сам Маркс был не высокого мнения о культурном уровне пролетариата и, тем не менее, видел в нем движущую силу нового общества. В 1843 г., в ту пору, когда Маркс еще был демократом, он пролетариат определял как «результат разложения общества». Рабочий «обречен на скотское одичание, полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей... Гниющая природа становится его жизненным элементом...» [37, с. 117-119]. И эта духовно опустошенная, одичавшая социальная группа должна возглавить универсальную эманацию? 2. Личные качества должны быть опосредованы социальной принадлежностью. Но это сужает восприятие и оценку личности человека. Сами коммунисты, их окружение не всегда отличались демократизмом. Женни Маркс «не смогла перебороть привитые ей нравственные понятия» и признать гражданский брак Ф. Энгельса с Мери Бернс – работницей прядильной фабрики, несмотря на то, что девушка была человеком «порядочным, обладающим классовым сознанием». Своего друга

Ф. Энгельса Женни обидела тем, что даже не выразила соболезнования, по случаю смерти Мери [12, с. 82]. 3. Сами лидеры так называемого рабочего движения никогда у станка не стояли, о рабочих имели скорее литературное представление. Многие жили на иждивении партии, друзей, за счет богатого наследства. На вопрос одного любознательного господина, кто будет чистить сапоги в государстве будущего Маркс с досадой и нехотя ответил: «Это будете делать Вы!» Но далеко не все чувствуют в себе призвание к чистке сапог. Одна знакомая Маркса никак не могла представить его во время всеобщей нивелировки, т.к. у него исключительно аристократические склонности и привычки. «Я тоже не могу, – ответил Маркс. – Эти времена придут, но нас уже не будет» [18, с. 164].

Доведенный в большевистской России до логического конца социальный детерминизм породил инструкцию ВЧК: «Во время расследования не ищите свидетельств. Первый вопрос, который вы должны задать: к какому классу он относится, каково его происхождение, каково его образование или профессия. Ответы на эти вопросы определяют судьбу обвиняемого. В этом состоит смысл и значение красного террора» [28, с. 356]. Коммунисты знали, что революцию чистыми руками не делают. Н. Бухарин считал необходимым использовать в деле революции человеческую низость и разбойную натуру. Опытный в революционных делах Л. Троцкий писал в 1930 г.: «Революция – суровая школа. Она не жалеет позвончиков, ни физических, ни моральных» [43, с. 336]. Беспринципность в выборе средств – отличительная черта многих революционеров. Зять Маркса П. Лафарг вспоминал, что часто слышал от него цитату из Гегеля: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба» [20, с. 9]. Только привычкой порядочного человека можно объяснить наивность А. Герцена: брезгливо относившись к Нечаеву, он тем не менее апостолов ставил по нравственной чистоте на один уровень с гугенотами, якобинцами (!), солдатами Кромвеля. А. Герцен пытался убеждать русских революционеров-террористов: «...Великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей» [28, с. 127]. Практики революции считали иначе: Ленин не брезговал услугами фальшивомонетчиков и боевиков, браками по расчету своих рядовых членов партии. В. Войтинский вспоминал, как на одного московского большевика сетовали, что он прожженный

негодяй, на что Владимир Ильич ответил со смехом: «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Это человек незаменимый» [3, с. 207]. Н. Бухарин способность со спокойной совестью шагать через трупы связывал с марксистским сознанием [7, с. 106]. Ленин, по воспоминаниям Троцкого, презрительно относился к пацифистам [42, с. 215]. При такой неразборчивости в средствах Бог – большая помеха.

Одним из важнейших условий достижения социального равенства коммунисты считали ликвидацию частной собственности. Любители проводить параллели с Евангелием ссылаются на то, что сам Христос клеймил богатство: «Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение» (Лк. 6, 24); «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24). Юноше, который хочет идти за Ним, Он предлагает продать имение и раздать нищим. Но это не призыв к экономическим реформам. Христос дает понять, что духовные проблемы не решаются сменой исторических декораций, политическими и социальными реформами. Христос не призывает отменить частную собственность, Он взывает не к социальной группе, а к каждому человеку – не привязывайтесь к материальным ценностям, не делайте из них культа, этим страдают все, и бедные и богатые. Это вопрос об иерархии ценностей, а не об отказе от хлеба, раз не хлебом единым жив будет человек. Хлеб не должен затмевать Слово Божие. Христос отказывается привлекать к себе хлебами, хотя и снисходит к слабости человека, но Он ожидает ответной Любви человека, которая по определению бескорыстна. Коммунисты, напротив, слишком озабочены распределением благ, они многопопечительны (Лк. 10, 41), но главная забота коммунистов – материальные блага. Революционеры при этом игнорировали земную реальность, подмеченную О.Уайльдом: «Есть только один класс людей, которые еще более своекорыстны, чем богатые, и это - бедные» [44, с. 176]. Европейские революции XIX-XX вв. открыли сторонникам социальных переворотов, что «пролетарии оказались людьми, ничем не отличающимися от «буржуев»» [14, с. 172]. Христианство же абсолютно чуждо социальной ангажированности, и если речь идет о равенстве, то перед Богом, которое, в отличие от коммунистического, не нивелирует личность.

Зачем нужно было коммунистам объявлять войну христианству? Диктатуре пролетариата необходимо было заменить совесть клас-

совой и партийной сознательностью, без этого были бы невозможны «экспроприации экспроприаторов», массовые расстрелы заложников, уголовная ответственность для двенадцатилетних детей, ГУЛАГ. Внимательное чтение Евангелия не позволяет нам вынести из него коммунистические идеи. Даже беглое прочтение классиков марксизма-ленинизма не выводит нас на Евангельские истины.

Коммунизм любой разновидности – марксистский, ленинский, кубинский, чилийский, маоистский, «красных кхмеров» или «красных бригад» - в передовых и не очень сообществах подтверждает то, что исконный коммунизм и есть чистой воды волонтаризм, «закамуфлированный, как пушки на маневрах, маскировочными «научными» покровами» [1, с. 25]. С христианством он расходится в главном – во взгляде на человека. Антропологическая проблема в христианстве разрешается в пользу личности, поскольку в каждой видит образ и подобие Божие, только образ этот замутнен грехом. Христианство – учение об излечении человека, его обожении. Коммунизм, убаюкивая совесть человека, укореняет в нем помысел самонадеянности. «Враг как бы говорит: «Не ходи туда - к свету, где хотят тебе дать какие-то новые силы! Ты у меня и так хорош!»» [41, с. 20]. Кроме того, коммунизм внушает мысль, что человек сам, без помощи Божией, может организовать свою жизнь. Но суть грехопадения Адама в гордыне: оторвавшись от Бога, от которого прежде получал полноту, человек стремится заполнить образовавшуюся пустоту. «Поставляя себя исключительной целью, человек никогда не бывает в себе, а все – вне себя, в вещах сотворенных суетою. От Бога, который есть полнота всего отпал; сам пуст; осталось как бы разлиться по бесконечно разнообразным вещам и жить в них» [41, с. 98-99]. Поэтому коммунизм так озабочен внешним переустройством мира, а между тем «из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15, 19). Человек, отстаивая свою духовную автономность, начинает жить на периферии своей души: «дух вместо того, чтобы давать пищу душе, начинает жить за счет души; душа, в свою очередь, начинает жить жизнью тела; и наконец, тело, вынужденное искать себе пищу вовне, в бездушной материи, находит в итоге смерть» [27, с. 98]. Как выразился преп. Максим Исповедник: «Зло – неведение своей Причины» [40, с. 84]. Впрочем, идейные лидеры коммунизма нередко игнорировали и ведение.

Коммунизм бравирует любовью к человечеству. Если вдуматься, то действительно дьявол – гуманист, если под гуманизмом понимать абстрактную любовь ко всему человечеству, из которой рождается ненависть к людям. «Страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению» [44, с. 169]. Видя солидарность людей в страданиях, коммунист страстно желает избавить людей от страданий, они невыносимы, так как для их перенесения вне Бога нет сил. Проблему разрешает уничтожение как виновников страданий, так и их жертв. Христианские подвижники и в страданиях пребывали в духовной радости, т.к. «христианство – не философская школа, но прежде всего общение с живым Богом» [27, с. 35]. Лидеры коммунистического рабочего движения нередко заканчивали свою жизнь в состоянии отчаяния. Маркс Энгельсу незадолго до смерти писал: «Как бесцельна и пуста жизнь, но и как желанна» [9, с. 31]. Две дочери К. Маркса покончили с собой: Лаура увлекла за собой и мужа – П. Лафарга; Элеонора с ранней юности бредила самоубийством [16, с. 227]. Может, потому, что в пятилетнем возрасте, когда у нее появились религиозные сомнения, ее отец развеял их раз и навсегда. Только вот коммунистическая идея не вселяла надежду. «Итак, по плодам их узнаете их» (Мф. 7, 20).

Параллели между христианскими подвижниками и революционерами, готовыми послужить народу, особенно усердно проводила русская революционно настроенная интеллигенция. По замечанию С. Булгакова, «различие между христианством и интеллигентским героизмом склонны скорее преуменьшать, нежели преувеличивать. Этому содействовало интеллигентское непонимание всей действительной пропасти между атеизмом и христианством, благодаря чему не раз «исправляли» с обычной самоуверенностью образ Христа, освобождая его от «церковных искажений», изображая Его социал-демократом или социал-революционером. Тогда достаточно имя Маркса заменить именем Христа, а «Капитал» Евангелием или, еще лучше, Апокалипсисом (по удобству его цитирования)», чтобы родилось новое религиозное сознание [6, с. 72-73]. Но это уже будет подделка под христианство, в своей реализации чреватая гуманитарной катастрофой. И если дьявол – обезьяна Бога, то и коммунизм – обезьяна христианства. Между мучениками первохристианства и революционерами нет никакого внутреннего сходства. Революционер самоуверен в своей правоте. Христос при-

зывает к покаянию и перерождению души: «Покайтесь ибо приблизилось Царствие Небесное». (Мф. 3,1; 4, 17; Мк. 1, 14-15) В «Катехизисе революционера» Нечаева говорится о полной самоотдаче революционера ради идеи, но не Истины. Коммунизм Истину Евангельскую пытается подменить знанием псевдонаучным, но свет этого «знания» больше напоминает солнце Сахары [40, с. 89]. Внешняя ученость ничего общего не имеет с той Евангельской Истиной, которая делает человека свободным (Ин. 8, 32). Материализм видит в человеке микрокосмос, но вместо величия наделяет его «качествами мошек и мышек». «Совершенство же человека заключается в том, что его отличает от космоса» [27, с. 87]. Коммунизм, привязывая человека к миру материи, ставит его в зависимость от экономики, политики, потребления, лишая его личностной уникальности, но какая же польза человеку, «если он приобретет весь мир, а душе своей повредит»? (Мф. 16, 26) Впрочем, приобрел ли человек хотя бы мир, благодаря коммунизму? Воистину, «кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. 11, 23).

Использованная литература

1. Айхенвальд, Ю. Дон Кихот на русской почве / Ю. Айхенвальд. – М.-Мн.: Изд-во «Гендальф», ООО «МЕТ», 1996. – 432с.
2. Алданов, М.А. Истоки // Собрание сочинений в 6 т./ М.А. Алданов. – М.: Издательство «Правда», 1991. – Т. 5. – 558 с.
3. Алданов, М.А. Сталин // Алданов М.А. Большая Лубянка / М.А. Алданов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 414 с.
4. Бакунин, М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. / М.А. Бакунин. – М.: Правда, 1989. – 622с.
5. Бердяев, Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи: Интеллигенция в России. – Сб. ст. 1909-1910. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 462 с.
6. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи. – Указ. изд.
7. Бухарин, Н.А. Судьбы русской интеллигенции // Бухарин Н.А. Путь к социализму / Н.А. Бухарин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 494 с.
8. Воден, А.М. Из воспоминаний / А.М. Воден // Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе. – Ч. 2. – М.: Политиздат, 1988. - 398 с.

9. Вурмбранд, Р. Другое лицо Маркса / Р. Вурмбранд. – М.: Феникс, 1991. – 64с.
10. Горький, М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / М. Горький. – М.: Советский писатель, 1990. – 400 с.
11. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 598.
12. Дорнеман, Л. Женни Маркс / Л. Дорнеман. – М.: Политиздат, 1988. – 366 с.
13. Зеньковский, В.В. История русской философии: в 2 т. / В.В. Зеньковский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – Т. 1. – 544 с.
14. Изгоев, А.С. Социализм, культура и большевики / А.С. Изгоев // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 289 с.
15. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
16. Комин, М. Мои воспоминания о Карле Марксе / М. Комин // Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе. – Указ. изд.
17. Корню, О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность / О. Корню. – М.: Прогресс, 1976. - Т. 1. – 590 с.
18. Кугельман, Ф. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса / Ф. Кугельман // Воспоминания о К.Марксе и Ф. Энгельсе. – Указ. изд.
19. Лапин, Н.И. Молодой Маркс / Н.И. Лапин. – М.: Политиздат, 1986. – 480 с.
20. Лафарг, П. Воспоминания о Марксе / П. Лафарг. – М.: Политиздат, 1938. – 24 с.
21. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 12.
22. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 29.
23. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 44.
24. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 48.
25. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 52.
26. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 55.
27. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
28. Лурье, Ф.М. Созидатель разрушения: Документальное повествование о С.Г. Нечаеве / Ф.М. Лурье. – СПб.: Петро-РИФ, 1994. – 416 с.

29. Малков, П. Предпосылки учения об апокатастасисе у отцов церкви / П. Малков // Православное учение о человеке. – М.-Клин.: Христианская жизнь, 2004. – 430 с.
30. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 1.
31. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 4.
32. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 20.
33. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 23.
34. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 40.
35. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 41.
36. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 42.
37. Марксизм: PRO и CONTRA. – М.: Республика, 1992. – 334 с.
38. Меринг, Ф. Карл Маркс. История его жизни / Ф. Меринг. – М.: Политиздат, 1990. – 559 с.
39. Николаева, О. Православие и свобода / О. Николаева. – М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. – 398 с.
40. Протоиерей Александр Геронимус. Знание в свете антропологии преподобного Максима Исповедника / А. Геронимус, протоиерей // Православное учение о человеке. – Указ изд.
41. Святитель Феофан Затворник Вышенский. Путь ко спасению. Письма о христианской жизни. Поучения / Феофан Затворник, святитель. – М.: Лепта-Пресс, 2005. – 800 с.
42. Троцкий, Л.Д. О Ленине // Троцкий Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
43. Троцкий, Л.Д. Уроки Октября / Л.Д. Троцкий. – Л.: Лениздат, 1991. – 366 с.
44. Франк, С.Л. Этика нигилизма / С.Л. Франк // Вехи. – Указ. изд.
45. Шичалин, Ю. О соотношении библейского богословия и античного влияния в христианской антропологии / Ю. Шичалин // Православное учение о человеке. – Указ. изд.